

Н. К. СУДЗИЛОВСКИЙ-РУССЕЛЬ
О САМАРСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1874 г.

Жизнеописание Николая Константиновича Судзиловского-Русселя и его труды с недавнего времени стали привлекать внимание советских историков и литераторов. Этот интерес не случаен. Он в первую очередь объясняется яркой и многогранной личностью самого Н. К. Судзиловского, его необычной биографией, насыщенной множеством удивительных перипетий, связанных с опасной деятельностью борца-революционера, активного участника народнического движения первой половины 1870-х гг.

В Самарской губернии Судзиловский прожил с марта до середины июля 1874 г. Перешедший на нелегальное положение, бывший студент медицинского факультета Киевского университета в качестве фельдшера обосновался в г. Николаевске Самарской губернии (ныне г. Пугачев Саратовской области), а затем в селе Пестравка. Здесь он стал очевидцем голода — страшного бедствия, постигшего Среднее Поволжье.

В нашу задачу не входит освещение деятельности Н. К. Судзиловского в Самарской губернии. Интересующихся мы отошлем к сравнительно недавно вышедшей в свет и пока наиболее полной биографии Н. К. Судзиловского, принадлежащей перу белорусского ученого М. И. Иосько¹. Отметим лишь, что работавший в г. Николаевске народнический кружок был в начале июля 1874 г. разгромлен, а большинство его участников арестовано. Но Судзиловскому удалось ускользнуть от жандармов и с помощью друзей-единомышленников несколько месяцев спустя эмигрировать из России. За рубежом он принял фамилию Руссель (Русский), под которой значился до конца жизни.

Наша цель — познакомить читателей с содержанием статьи Н. К. Судзиловского, ярко и глубоко освещющей положение крестьян Самарской губернии в 1870-х гг. Речь идет о публицистическом труде «Народ и студенчество» (Мой отчет студентам **ского университета), напечатанном без подписи² в № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 15 (январь—август 1875 г.) двухнедельной газеты «Вперед!», издававшейся в 1875—1877 гг. в Лондоне под редакцией П. Л. Лаврова.

Эта газета являлась приложением к известному непериодическому обозрению одноименного названия, выходившему в свет также в Лон-

¹ См.: Иосько М. И. Николай Судзиловский-Руссель. Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск, 1976.

² На авторство Н. К. Судзиловского указывает П. Л. Лавров (см.: Лавров П. Л. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. 2-е изд. Л., 1925, с. 107).

доне в 1873—1877 гг. Журнал «Вперед!» и его приложение, освещавшее вопросы русской жизни и международного рабочего движения, были в те годы самыми распространенными и авторитетными органами русской революционной эмиграции. Ф. Энгельс, не называя П. Л. Лаврова, отмечал, что издание «редактируется одним высокоуважаемым русским ученым»¹.

О статье Н. К. Судзиловского бегло упоминают историки И. С. Вахрушев и Б. С. Итенберг². Однако насыщенность этого очерка многими интересными данными о социально-экономическом положении пореформенной самарской деревни и эмоциональность изложения делают публицистический труд Н. К. Судзиловского заслуживающим специального рассмотрения.

Примечательна история написания статьи, о которой автор рассказывает в ее вводной части. Побудительным мотивом явилась шумная и лицемерная кампания помощи голодающим крестьянам Поволжья, прокатившаяся по России зимой 1873/74 г. Тогда, по словам Судзиловского, «... в самый разгар всероссийской филантропии... все русское государство — Романовы с чадами, купечество, дворянство, думы, управы, комитеты, собрания — начали сыпать одной рукой скучные крохи награбленного и выкраденного у народа добра и с барышом подбирать другую»³. В это время студенты одного университета⁴ тоже «пожертвовали голодному народу 250 р. из своей кассы». На студенческой сходке, свидетельствует автор, было решено затратить собранные деньги на посылку делегата в Самарскую губернию для ознакомления с положением голодающего народа, причинами, вызвавшими голод, и представления отчета о всем увиденном. Эта миссия была предложена Н. К. Судзиловскому, который, не раздумывая долго, ее принял⁵. Он пишет, что согласился выполнить это поручение, так как «должен был ехать в Самарскую губернию и без того, и притом по делу весьма серьезному»⁶, что было явным намеком на свое предстоящее

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 518. Оба издания хранятся в отделе редкой книги Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

² См.: Вахрушев И. С. Русский и иностранный отдел журнала и газеты «Вперед!» ((1873—1877 гг.). — Источниковедческие работы. Вып. 3. Тамбов, 1973, с. 61—62; Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1965, с. 78.

³ Вперед!, 1875, № 1, с. 13.

⁴ По соображениям конспирации автор не называет местонахождение университета. По всей вероятности, это был Киевский университет, в котором в те годы учился Н. К. Судзиловский. Указание, содержащееся в книге Б. С. Итенберг, что Судзиловский был послан в Самарскую губернию студентами Казанского университета (См.: Итенберг Б. С. Указ. соч., с. 78), явно ошибочно, так как последний никогда в Казани не был. К. Я. Наякшин также отмечает, что Судзиловский был студентом Казанского университета (См.: Наякшин К. Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев, 1962, с. 158). Возможно, что этих авторов ввела в заблуждение пометка о конце первого отрывка статьи Судзиловского «Казань, 2 декабря 1875 г.» (См.: Вперед!, 1875, № 1, с. 15).

⁵ Согласно другой версии, приведенной М. И. Иосько, эта статья была заказана Н. К. Судзиловскому самим П. Л. Лавровым в Лондоне в начале 1875 г. М. И. Иосько при этом не ссылается на какой-либо источник (См.: Иосько М. И. Указ. соч., с. 73).

⁶ Вперед., 1875, № 1, с. 14.

Судзиловский-Руссель. 1888 г.

участие в «ходжении в народ», в которое бурно включилась в начале 1870-х гг. передовая молодежь. Автор не скрывает, что у него не было тогда полной уверенности, что найдется время для написания отчета. Но, сознавая свою обязанность по отношению «к небольшому меньшинству» студентов из числа тех, кто предложил ему это поручение, Судзиловский решился при первом удобном случае устно или печатно сообщить им на основании всего виденного за «Волгой», что единственной причиной всех народных бедствий (между которыми голод 1873/74 г. есть одно из обострений) он считает организованную систему грабежа, воровства, мошенничества и насилия, которая называется русским государством, современным русским общественным строем¹.

Далее автор обязуется нарисовать «по возможности живую картину положения народа», опираясь «почти исключительно на рассказы и отзывы крестьян», на то, что он сам видел и слышал, и передавать «то живое и тяжелое впечатление, которое я вынес, видя вблизи страдания народа»². При этом Судзиловский считал необходимым отыскать причины недовольства и чувства неудовлетворенности, которые мучают передовую часть студенчества и вызывают «открытый и честный про-

¹ Вперед!, 1875, № 1, с. 14.

² Там же, с. 14—15.

тест»¹. Таким образом, мы видим, что к выполнению своей задачи студент Киевского университета подходил с уже ясно определившимся революционным мировоззрением, в качестве непримиримого противника царизма.

Судзиловский начинает свой отчет с краткой характеристики поземельных отношений, сложившихся в те годы в Самарской губернии. При этом автор оговаривает, что, рассматривая вопрос о причинах голода, он касается положения исключительно в степной земледельческой половине Самарской губернии, в частности в Николаевском, Новоузенском уездах и в южной половине Самарского уезда. Основываясь на официальных статистических данных, он доказывает, что из общего количества 9,405 млн. десятин земли крестьянам принадлежит лишь одна четвертая часть. Остальные земли — государственные, удельные, высочайше пожалованные и помещичьи — «захвачены организованной шайкой насилия и мошенничества, называемой государством»². Судзиловский подчеркивает, что удельный вес последних категорий земель в степной полосе еще более велик и составляет от $\frac{4}{5}$ до $\frac{5}{6}$ всех земель Самарской губернии.

Система эксплуатации крестьян подразделяется в статье на несколько главенствующих форм: 1. Эксплуатация народа как земледельца-производителя крупными, средними, мелкими арендаторами и торговцами хлебом. 2. Эксплуатация народа как потребителя виноторговцами, развозчиками товаров, кулаками, владеющими, как правило, лавками. 3. Непосредственная правительственная эксплуатация, осуществляемая местной администрацией, полицией, судом и духовенством посредством взимания податей и налогов и рядом других мер. 4. Эксплуатация земледельцев, возникшая в результате реформ, проведенных в 1860-х гг. Орудием этой эксплуатации являются органы земского и крестьянского самоуправления в лице земских служащих, мировых посредников, старшин, писарей и пр. Ко всей системе эксплуатации крестьян автор добавляет «специальное обострение эксплуататорской всесторонней практики по случаю народного несчастья, голода 1873/74 г.»³.

В своем анализе первой и основной формы эксплуатации крестьян как производителей автор обращает внимание на то, что Самарская губерния является в России одной из тех губерний, где наиболее преобладает крупное землевладение. Самарскую губернию он именует «классической страной поземельных лордов и их арендаторов первой и второй руки». Первые холмство не ведут, «... живут себе в Париже, в Швейцарии, живут или служат флигель-адъютантами в Петербурге, получают ежегодные крупные суммы ренты...» Вторые же — это размножившийся «особый первенствующий класс, особое мощное сословие...». Судзиловский далее свидетельствует: «И кто только здесь не арендует... Все от мала до велика, все, начиная от пшеничных баро-

¹ Вперед!, 1875, № 1, с. 14—15.

² Там же, № 2, с. 49.

³ Там же, с. 51.

нов, тузов пшеничного мира и кончая последним писцом в управе, казначействе, квартальным, будочником!»¹. По образному сравнению автора, эти тузы-миллионеры снимают в аренду пространства «величиной с Швейцарию», делят ее на кантоны, которые сдают в субаренду следующему, более мелкому арендатору, коим зачастую является государственный или земский чиновник.

Земля, принадлежащая государству (казенные земли), как правило, сдается в аренду «тузам» с публичных торгов. Формально в них могут принимать участие и крестьяне. Но у последних не может быть крупных капиталов, и даже нескольким селам и волостям «сладить» между собой для составления необходимой большой денежной суммы почти невозможно. Поэтому на публичных торгах фактически никакой конкуренции не бывает. Заранее сговорившиеся капиталисты снимают в долгосрочную аренду по 100 тыс. и более десятин. Так, в трех южных уездах Самарской губернии, пишет Судзиловский, он не знает «ни одного примера, где бы крестьянам удалось отбить землю на торгах у съемщиков первой руки»².

В качестве образчика туза-арендатора и его огромных доходов автор называет Мальцева — «пшеничного барона» Николаевского и Новоузенского уездов, снимавшего у государства в аренду более 100 тыс. десятин лучших земель по 60 к. за десятину (чаще всего они идут с торгов по 10, 20, 30 к). Раздавая землю крестьянам подесятинно, он берет с десятины мешок пшеницы (10 пудов), стоимость которого весной 1874 г. доходила до 16 р. Далее Судзиловский характеризует систему эксплуатации земли, которая «сводится к тому, чтобы как можно скорее высосать из нее все, что она может дать»³. Результаты сколь закономерны, столь и плачевны — быстрое истощение почвы, ежегодное уменьшение плодородия, все более частые неурожай.

Специальному сравнению в статье подвергаются доходы арендатора-съемщика с доходами крестьянской семьи. Автор ссылается на личные впечатления, рассказы и свидетельства крестьян и на официальные данные.

Нещадно обирают крестьян «хлебные барышники, пшеничное купечество». Автор рисует впечатляющую картину облегоривания крестьян, везущих «последние оставшиеся зерна» на пристань в Балаково. За несколько верст встречает их целая свора агентов крупных перекупщиков, именуемых «мартышками». Путем лжи и запугивания и всяческих ухищрений эти «мартышки» стараются сбить цену и добиваются своего. Но это не все. У самого амбара при взвешивании есть десятки способов, чтобы еще раз обмануть крестьянина и присвоить до десятой, а то и более, части продаваемого им зерна⁴.

Столь же наглядно и убедительно показывает Судзиловский эксплуатацию крестьян как потребителей. На этом поприще, пишет он, подвизаются «кулаки, питейщики, лавочники, разъезжие и расхожие ком-

¹ Вперед!, 1875, № 3, с. 84.

² Там же, с. 85.

³ Там же, с. 86.

⁴ См.: Там же, № 4, с. 110—111.

мерсанты»¹. По свидетельству автора, «кулачество и торговля являются в самарских степях... единственным своего рода промыслом...», на почве которого выросли «легионы эксплуататоров». Занимаются этим делом «не только специалисты кулаки и купцы», но и всякий, в ком «жизнь развила хищнические инстинкты, оборотливый, сметливый ум, бойкий язык...»². В качестве иллюстрации приводятся запоминающиеся примеры того, как из «эмбрионов» вырастают и формируются кулаки и купцы более или менее крупного пошиба.

Судзиловский специально останавливается на причинах широкого распространения в Самарской губернии алкоголизма. В ответ на вопрос автора один крестьянин ответил: «Кто пьет? Все пьют, ребяташки и те так и норовят в кабак. Кто беднее, тот и пьет больше»³. В статье не только вскрываются социальные корни распространения алкоголизма, но и показан сам механизм спаивания крестьян питейщиками, прощающими вместо водки «сивушную, отвратительную, не пьяную, но ядовитую воду»⁴. Посредством анализа бюджета одного заурядного кабака показаны огромные (рубль на рубль) доходы питейщиков от продажи водки.

Не лучше обстоит дело с торговлей различными товарами. Как правило, утверждает Судзиловский, «в степях, главным образом... сбывается народу товар, забракованный в Москве или в Нижнем. Все это гнилье, залежалое, на живую нитку сшитое и уж, конечно, самого последнего сорта»⁵. По его словам: «И в магазинах, и в лавках, и в лавочках грабят самым нахальным образом»⁶.

Перейдя к характеристике эксплуатации крестьян царским правительством, автор ограничивается отрывочными заметками «о степном чиновничестве и отношении к нему народа»⁷. Тем не менее приведенные им факты весьма красноречивы. Так, осенью 1873 г., когда голод в Самарской губернии был признан официально (фактически, пишет Судзиловский, народ голодал уже два года), губернатор приказал во что бы то ни стало взыскать недоимки по налогам. Тогда становой Большеглушицкой волости Муромцев, войдя в тайный сговор с торговцами скотом, запретил свободную продажу скота на ярмарке в Пестравке. Скот недоимщиков был согнан для реализации на аукционе, где цена его была скupщиками сбита значительно ниже рыночной⁸.

Нешадный бич крестьян — взяточничество, которое, по свидетельству Судзиловского, в таких удаленных от центра губерниях, как Самарская, процветает нагло, неприкрыто. По его словам, «взятки берут все, начиная от губернатора Климова и кончая становым... В этом отношении между судом, администрацией, полицией, духовенством различия нет никакой: все ладят, все берут и там, где дают, и там, где не

¹ Вперед! 1875, № 4, с. 112.

² Там же.

³ Там же, № 5, с. 143.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 144.

⁷ Там же, № 6, с. 174.

⁸ Там же.

дают»¹. Самарское чиновничество напоминало автору «...монгольских баскаков. Каждый становой, писец, следователь, не говорю уже исправник, чувствует себя здесь неограниченным властелином, единственной силой, сломить которую никто не дерзнет. Здесь чиновник берет нахрапом, кулаком»². Состав чиновничества пополняется из всякого сброва. «И всей этой сволочи дается право ругаться и издеваться над народом; не мудрено, что последний ненавидит ее от всего сердца»³.

Надолго запоминается читателю живописуемый автором объезд губернатором Климовым голодного уезда: «Нехорошие чувства появятся в душе, когда навстречу вам несется во весь опор на десяти тройках эта дикая градоначальническая орда. Еще хуже чувствуете вы себя, когда видите, как эти стихийные самодурские силы смеются, издеваются над народом»⁴. Что говорить о народе, когда даже к земству губернатор относится откровенно презрительно. Он «любит называть вещи их настоящими именами» и, как свидетельствует Судзиловский, говорит «земство — паршивое учреждение». Не удивительно, что самарская полиция игнорирует земство и его права⁵.

Самарское земство Судзиловский характеризует на основании собственного горького опыта. Напомним, что «хождение в народ» осуществлялось им под прикрытием службы в земской больнице. Его оценка выразительна. Тамошнее земство «полное ничтожество, где не ничтожество, там грубая эксплуатация»⁶. Автор был свидетелем того, как тот же Климов добился смещения Николаевской земской управы, не понравившейся ему потому, что она состояла исключительно из крестьян и хотя не претендовала даже на тень самостоятельности, но «честно, как умела, вела земское хозяйство»⁷. Новый состав, выбранный подавляющим большинством — кулаками, купцами, попами—после трех дней беспробудного пьянства, состоял преимущественно из дворян. Первой акцией новой земской управы было увеличение оклада жалованья председателю на 500 р., а членам на 200 р. Это в то самое время, когда уезд голодал.

Земство, по словам Судзиловского, это «особый вид эксплуататоров». Его главные представители — это «земское чиновничество, весь медицинский, школьный, судебный и полицейский персонал»⁸. Характерна фигура земского врача и одновременно мирового посредника некоего Чембулатова. Использовав своей властью «раздавателя ссуд» кассу земской управы и даровой труд крестьян двух волостей, он построил кумысолечебницу, в которой «консультирует разных барынь, приехавших поразвлечься в развеселое заведение, и всякую дохлую бездельную публику»⁹. А в это же время земская больница отдана на

¹ Вперед!, 1875, № 6, с. 175.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, № 6, с. 176.

⁵ См.: Там же.

⁶ Там же, № 9, с. 275.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

откуп фельдшеру-развратнику, лечащему только тех, кто подносит подарки. Сам Чембулатов в ней никогда не бывает.

Что касается сельского самоуправления, то «в старшины, писари, старосты и пр. — честные люди попадают очень редко... членами крестьянского самоуправления в огромном большинстве случаев являются или уже готовые, или только начинающие кулаки, покупающие власть взяткой или крайним подобострастием и низкопоклонничеством, чтобы эксплуатировать эту власть для своих кулаческих целей»¹. Фактически крестьяне не в состоянии самостоятельно решить, кого следует избрать в органы самоуправления. Сплошь и рядом эти выборные лица назначаются мировыми посредниками. Если же выборы и проводятся, то под давлением, которое предрешает избрание лиц, угодных «властям предержащим». Поэтому, подчеркивает Судзиловский, «волость всегда является органом организованного эксплуататорства, местного, областного и всероссийского»².

Естественно, что при раздаче ссуд по случаю голода органы крестьянского самоуправления львиную долю распределяли среди кулаков-мироедов. Приведя ряд примеров подобной практики, автор заключает: «Жалобы на неправильное распределение ссуд, на мошенничество властей, на подвохи кулачества повсеместны»³.

Собственно описание самого голода, постигшего тогда Самарскую губернию, занимает в статье сравнительно немного места, и ему посвящено лишь несколько страниц. Но картины бедствия, нарисованные автором, потрясают читателя. Вот что увидел он в селе Яланка 20(8) марта 1874 г. «По улице целыми толпами бродят нищие, взрослые и дети, с сумами на плечах, босые, изнуренные, оборванные; из окон полуразвалившихся изб, где стекла зачастую заменены тряпьем и лучиной, изредка выглядывают малокровные исстрадавшиеся лица... Из ворот одной избы выбежала целая толпа полунагих детей, прося хлеба ради Христа: они не кричат и не плачут, а смотрят так, что всякому жутко становится»⁴.

Приведем другое свидетельство: «Весной, когда в степи появилась свежая трава, стоило выйти из села, особенно в воскресенье, чтобы увидеть, как бабы и ребятишки целыми толпами усердно ищут чего-то, рассыпавшись на протяжении нескольких верст. С первого взгляда картина довольно отрадная; ярко светит весеннее солнце; весь луг пестреет разноцветными юбками и платками, так и кажется вам, что вот, мол, трудолюбивые земледельцы подышать на волю вышли, провести праздничное время. Только что это они собирают?

— Эй, родная, на кой бес тебе трава эта?
— Питаляемся, родимый; хлеб-то вышел весь, ну, мы травкой и наверстываем.
— Да как же вы едите ее?

¹ Вперед! 1875, № 9, с. 227.

² Там же.

³ Там же, № 9, с. 278.

⁴ Там же, № 10, с. 310.

— Как?.. Кто сырью ест, а кто в воде варит, соли прибавивши»¹.

В завершающей части своего труда от характеристики жизни крестьян и анализа социально-экономических отношений в самарской деревне Судзиловский переходит к рассмотрению положения в России «интеллигентного пролетария», к которому он причисляет студенчество. К этому автора обязывало само название статьи. Он подчеркивает промежуточное положение интеллигенции между эксплуатируемым большинством народа, с одной стороны, и господствующими классами — с другой. «Его («интеллигентного пролетариата». — А. С.) положение можно характеризовать пословицей: ни богу свечка, ни черту кочерга... Его внутренний мир, как и самые деяния, постоянно носят характер резкой раздвоенности, мучительного разлада»².

Интеллигенция да и само студенчество отнюдь не одноликая масса индивидуумов. В статье она четко дифференцируется на огромное большинство тех, кого семейные связи, привитые воспитанием привычки, вкус к зажиточной и бездельной жизни тянет в «государственные палестины», и на незначительное меньшинство — тех, которые «действительно любят народ, и любят искренне и без оглядки» и «заявляют себя непримиримыми врагами государства»³. Последних Судзиловский называет «революционной группой», причисляя, конечно, себя к этой части интеллигенции. Он бичует первых и одобряет вторых.

Каков же практический вывод, к которому пришел Судзиловский на основании всего увиденного и пережитого за четыре месяца пребывания в самарской деревне? Эти выводы сформулированы им кратко и четко.

«Хищное государство и поедаемый народ.

Богатые и бедные.

Сытые и голодные.

Лицом к лицу стоят два непримиримые лагеря, взаимно меряя друг друга глазами, каждую минуту готовые броситься в отчаянную,дикую схватку, схватку без пощады, без жалости, на жизнь и на смерть. Никакие компромиссы, никакое примирение тут немыслимы»⁴. Обращаясь к своим единомышленникам — «студенческому меньшинству», делегировавшему его в Самарскую губернию, он пишет: «Враг народа есть ваш враг. И народным и вашим спасением и спасением всякого, в ком не вполне изглажены пошлостью человеческие черты, — может быть только социальная революция»⁵. Этот вывод совпадает с тем, который сделан П. Л. Лавровым в публицистическом труде «По поводу самарского голода»⁶, завоевавшем в 1870-х гг. широкую популярность

¹ Вперед!, 1875, № 10, с. 311.

² Там же, № 15, с. 474—475.

³ Там же, с. 475.

⁴ Там же, с. 474.

⁵ Там же, № 1, с. 15.

⁶ П. Л. Лавров пишет: «Те немногие, разбросанные живые элементы, которые в нем (в русском обществе. — А. С.) существуют, принадлежа не ему, эти элементы чтобы не заглохнуть и не вымереть, должны выйти из этого общества, должны стать против него, должны пойти на тот путь, на который мы призываем, как на единственный путь спасения нашей родины — «на путь народной, социальной революции...» (См.: Лавров П. Л. Избр. соч., т. 3, М., 1934, с. 328).

в революционных и демократических кругах России¹. Статья Судзиловского и по содержанию и по общей направленности близко примыкает к отмеченной книге П. Л. Лаврова, что вполне объяснимо при учете общности темы и идейной близости их авторов.

Конечно, труд П. Л. Лаврова — маститого теоретика революционного народничества, крупного философа и социолога — по своему объему, а главное, по широте охвата состояния пореформенной русской деревни, глубине и всесторонности анализа превосходит публицистическое сочинение студента, только что вступившего на путь революционной борьбы. Тем не менее статья Н. К. Судзиловского обладает одним неоспоримым преимуществом по сравнению с книгой П. Л. Лаврова, написанной из эмигрантского «далека», — тем, что ее автор — свидетель всего происходившего в самарской деревне, благодаря своей медицинской профессии получивший возможность вплотную познакомиться с нуждами и настроениями самарского крестьянства. Этот очерк, живо и талантливо написанный пером очевидца, дает яркую картину произвола местного чиновничества и помещиков, бессилия земских учреждений, бурного процесса классовой дифференциации в самарской деревне после реформы 1861 г., обезземеливания и растущей нищеты массы тружеников деревни. Значимость настоящего труда еще и в том, что в нем показаны настроения протesta и возмущения, охватывающие все более широкие слои населения Самарской губернии. В целом несомненно, что статья Н. К. Судзиловского содержит ценный материал для историка-краеведа Куйбышевской области.

---

¹ Заслуживает быть отмеченым, что эта книга находилась в библиотеке К. Маркса и значится в составленном им списке «Русское в моей библиотеке». (См.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 22, 150).